

Почekaев Р. Ю.

**И вновь к вопросу о действии
золотоордынских правовых институтов на Руси**

В рамках изучения проблем взаимоотношений Древней Руси и Золотой Орды (или периода так называемого «монголо-татарского ига») немалое внимание уделяется вопросу о действии золотоордынского права на Руси. Это вполне понятно, поскольку выяснение степени правового влияния Золотой Орды в русских землях имеет прямое отношение к ответу на вопрос о существовании самого «ига».

Неудивительно, что практически все исследователи русско-ордынских отношений, в т.ч. дореволюционные ученые XIX – начала XX вв. (Н. М. Карамзин, И. Н. Березин, С. М. Соловьев, Г. С. Саблуков, М. Д. Приселков и др.), советские (Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Г. А. Федоров-Давыдов, В. А. Кучкин и др.), зарубежные (Г. В. Вернадский, Д. Островски, Ч. Гальперин) и современные российские исследователи (Ю. В. Кривошеев, А. А. Горский, В. В. Трепавлов, Ю. В. Селезнев и др.) так или иначе затрагивали вопрос о действии золотоордынских правовых институтов на Руси¹. Более того, имеется даже ряд специальных исследований, непосредственно посвященных проблеме правового влияния Золотой Орды на Русь в XIII-XV вв. Среди таких авторов можно назвать, в частности, С. Н. Жарова, В. В. Еремяна, И. И. Назипова, С. А. Маслову.

В большинстве случаев исследователи формируют свою позицию по этому вопросу, основываясь на общеисторических фактах, давая их собственную интерпретацию, нередко зависящую от персональной позиции исследователей, их отношения к проблеме «ига». Метод историко-правового анализа, представляющийся наиболее логичным для поисков ответа на вопрос о действии ордынского права на Руси, почему-то в должной степени не используется авторами – возможно, их смущает отсутствие достаточного числа источников для проведения подобных исследований. В результате высказываются прямо противоположные точки зрения по поводу действия права Золотой Орды в русских землях: одни авторы говорят о правовом «двоезаконии», т.е. дуализме русского и монгольского законодательства на Руси², другие – даже о верховенстве золотоордынского права в русских землях над русским же законодательством³, третьи вообще отрицают действие

¹ Тот факт, что тема о правовом взаимодействии Руси и Орды представляет большой интерес для историков, нашел отражение в том, что даже на недавней международной научно-практической конференции «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии» (XIII Фаизхановские чтения, Санкт-Петербург, 4-6 мая 2016 г.) прозвучал ряд докладов, касавшихся именно правовых аспектов русско-ордынских отношений, в частности, выступление Ю. В. Селезнева «Возникновение суверенитета и юрисдикции ордынского хана (монгольского ткагана) на территории Руси», вызвавшее ряд вопросов и оживленную дискуссию.

² Жаров С. Н. Русское и монгольское законодательство: проблемы двоезакония на Руси // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. Ч. 1. Челябинск, 1995. С. 42-44.

³ Назипов И. И. Верховенство права Орды в русских землях как признак государственного ордынско-русского единства // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23 (378). Право. Вып. 44. С 13-17.

права Золотой Орды на Руси, считая, что ордынские сюзерены никак не вмешивались в систему правоотношений внутри русских княжеств⁴.

Думается, что для поисков наиболее объективного ответа на этот вопрос следует обращаться не к обзору общеисторических сведений, а к анализу конкретных правовых институтов Золотой Орды, упоминаемых в контексте русско-ордынских отношений. Впервые подобный подход попытался использовать в 1850 г. выдающийся историк отечественного права И. Д. Беляев, освятивший специальной исследование монгольским чиновникам на Руси, упоминавшимся в ханских ярлыках⁵. Естественно, с учетом результатов новейших исследований в «ордыноведении» его работа представляет интерес лишь как самая первая попытка использования историко-правового анализа русско-ордынских отношений. Среди современных работ подобный детальный анализ действия конкретного правового института Золотой Орды на Руси, насколько нам известно, нашел отражение в исследованиях С. А. Масловой, посвятившей свою кандидатскую диссертацию изучению деятельности на Руси ордынских баскаков, даруг и послов⁶. Несмотря на спорность ряда высказанных диссертантом положений⁷, примененный ею метод представляется наиболее перспективным, и именно ему мы намерены следовать в данном исследовании.

Своей целью мы ставим рассмотрение действия отдельных золотоордынских правовых институтов на Руси на основе сведений дошедших до нашего времени юридических актов, а также соответствующих сведений исторических хроник и летописей. В частности, мы намерены проанализировать, в какой степени и каком порядке действовали в русских землях ярлыки ханов Золотой Орды, золотоордынская юрисдикция, участие представителей Золотой Орды в принятии властных решений русскими князьями. При этом мы намерены уделить внимание вопросу об эволюции действия золотоордынского права в отношении Руси в контексте политико-правового развития самой Золотой Орды. Представляется целесообразным выделить три основных направления в действии ордынских правовых институтов в русских землях – законодательное, исполнительное и судебное (естественно, говорить об этих направлениях применительно к средневековому реалиям можно с достаточной степенью условности).

Начнем с анализа значения ханских ярлыков на Руси. Казалось бы, с формально-юридической точки зрения их значение в русско-ордынских правоотношениях очевидно и однозначно: ярлык – акт высшей юридической силы в Золотой Орде, издававшийся от имени правившего хана; хан – сюзерен русских

⁴ *Еремьян В. В.* Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине): очерки муниципальной историографии. Т. 3. М., 2015. С. 9, 29-30, 239. Стоит, впрочем, отметить, наличие большого числа противоречий в данном труде: в частности, в другом месте своей работы ее автор прямо говорит о том, что на «территории Русской земли... в определенной мере распространялась юрисдикция Монгольской империи (в лице соответствующего золотоордынского хана)» (Там же. Т. 1. М., 2015. С. 297).

⁵ *Беляев И. Д.* О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. 1850. С. 97-110.

⁶ *Маслова С. А.* Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы) / Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.

⁷ В частности, исследовательница считает баскаков и даруг разными чиновниками, с чем не соглашается значительное число исследователей, см. подробный анализ мнений, в частности: *Камалов И. Х.* Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / Пер. с тур. И. М. Миргалеева. Казань, 2016. С. 135-137.

князей; следовательно, ярлык должен был являться актом высшей юридической силы и на Руси, обязательным к исполнению всеми ханскими вассалами и их собственными подданными. Однако, как показывает анализ дошедших до нас правовых актов – как ордынских, так и русских, – ситуация была несколько иной.

Безусловно, волеизъявление хана, выраженное в ярлыке, являлось фактически предписанием для его подданных и вассалов, в т.ч. и русских князей. Однако каким же образом оно трансформировалось в конкретные правоотношения? Как выясняется, для того, чтобы предписания ханского ярлыка действовали на Руси, необходимо было издание соответствующего правового акта самим русским правителем, который бы вводил в действие в соответствующем княжестве нормы, содержащиеся в ярлыке. Подтверждение этому мы встречаем в конкретных правовых актах.

В частности, нам известна т.н. грамота князя Ярослава рижанам, датированная между 1266 и 1272 гг., которую мы позволим себе воспроизвести полностью: «Менгу Темерево слово кль Ярославу князю: даи руть немецкому гости на свою волость. От князя Ярослава ко рижаном, и к болшим и к молодым, и кто гостить, и ко всемъ: путь вашъ чистъ есть по моеи волости; а кто мне ратен, с тимъ самъ ведаю; а гостю чистъ путь по моеи волости»⁸. Несмотря на краткость этого документа, в нем можно четко выделить две составные части: собственно грамоту Ярослава и ярлык первого золотоордынского хана Менгу-Тимура⁹, адресованный самому Ярославу. Хан предписывает великому князю¹⁰, своему вассалу, предоставить «немецкому гостю» (вероятно, имеются в виду ганзейские купцы) право беспошлинного проезда через свои владения в Золотую Орду. Если бы ханские ярлыки на Руси являлись актами прямого действия (как полагают, в частности, вышеупомянутые исследователи С. Н. Жаров и И. И. Назипов), то хану достаточно было бы прямо адресовать ярлык торговцам города Риги, который они могли бы предъявлять при проезде через русские земли. Однако хан адресовал ярлык великому князю Ярославу, а уж он своим собственным правовым актом ввел в действие в подвластных ему землях нормы, содержащиеся в ярлыке Менгу-Тимура.

Еще один пример – из хорошо известного всем исследователям русско-ордынских отношений собрания ханских ярлыков русской церкви. Краткая редакция этого собрания¹¹ включает шесть документов, в т.ч. три ярлыка ханов (вышеупомянутого Менгу-Тимура, Бердибека и Тюляка), а также три грамоты

⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 57.

⁹ Предшественники Менгу-Тимура (Бату, Сартак, Улагчи, Берке) не носили ханского титула.

¹⁰ На наш взгляд, включение этой грамоты в данный сборник не вполне оправданно: анализ ее текста дает основание полагать, что Ярослав ее издавал не как новгородский князь, а как великий князь владимирский, и речь в ней идет именно о его «волости», а не Новгороде. Это подтверждается, в частности, тем, что в других актах, вошедших в сборник, тот же Ярослав (уже именно как новгородский князь), равно как и его предшественники, и преемники, издает грамоты вместе с посадником, тысяцким, «и со всем Новгородом», тогда как анализируемый документ является актом единоличного волеизъявления, характерным именно для великих князей.

¹¹ Пространная редакция, помимо шести документов, вошедших в краткую, включает также ярлык хана Узбека митрополиту Петру, который исследователи еще в начале XX в. признали поддельным.

ханши Тайдулы, также ошибочно названных составителями «ярлыками»¹². Опять же, если обратиться к анализу текстов именно ханских ярлыков, мы могли бы сделать вывод, что ханы напрямую предоставляют налоговый иммунитет (в золотоордынской традиции – тарханство) Русской православной церкви в лице ее глав – митрополитов. Однако в грамоте Тайдулы 1347 г., в которой фигурирует таинственный «митрополит Иоан»¹³, содержится, наряду с перечислением соответствующих налогов, пошлин и повинностей, от которых традиционно освобождается русская церковь, также и весьма показательное обращение: «А вы, русские князи, Семеном почен всеми митрополиты как наперед сего кои дела делали, а нынеча также делают»¹⁴. Один из крупнейших исследователей золотоордынской дипломатики А. П. Григорьев делает вполне обоснованный вывод, что адресатом данной грамоты является именно великий князь Симеон Гордый вместе с подчиняющимися ему удельными князьями: именно им предписывается не взимать никаких налогов и не требовать несения повинностей от представителей церкви¹⁵. Таким образом, мы снова видим, что для того, чтобы ханская воля, выраженная в ярлыке, учитывалась на Руси, было необходимо издание соответствующих актов самими русскими князьями, предписания которых, в свою очередь, были обязательны для их русских подданных. В противном случае, как и в случае с рижскими купцами, было бы достаточно просто выдачи соответствующего ханского акта главе Русской православной церкви.

Итак, как можно увидеть, ханские ярлыки прямого действия на Руси не имели, и для реализации предписанных в них положений князья должны были издавать соответствующие собственные правовые акты – грамоты. Впрочем, в некоторых случаях, в своих собственных интересах князья готовы были идти на «юридическую фикцию» – признание непосредственного действия золотоордынских предписаний на Руси. Пожалуй, наиболее ярким примером тому является хорошо известный спор за великое княжение между князьями Василием II Васильевичем Московским (впоследствии вошедшим в историю под прозвищем «Темный») и его дядей Юрием Дмитриевичем Звенигородским. Если князь апеллировал к «мертвой грамоте отца своего», т.е. завещанию Дмитрия Донско-

¹² По своему статусу Тайдула не могла издавать ярлыки, поэтому ее акты правильнее именовать грамотами.

¹³ Личность этого «Иоана» неоднократно привлекала внимание исследователей, поскольку такой митрополит вся Руси в указанный период историкам неизвестен. А.П. Григорьев полагает, что речь идет о сарайском епископе (см.: *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 49). Ю. В. Сочнев считает, что «Иоан» мог быть нижегородским епископом (см.: *Сочнев Ю. В.* Об адресате ярлыка Тайдулы русскому иерарху Иоану // Мининские чтения (Материалы научной конференции, посвященной 380-летию освобождения Москвы земским ополчением под руководством К. Минина и Дм. Пожарского). Нижний Новгород, 1992. С. 52-55).

¹⁴ Ярлыки татарских ханов московским митрополитам // Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV-XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 467.

¹⁵ Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 48-49. В рамках предпринятой им попытки реконструкции первоначальных текстов ханских ярлыков русской церкви исследователь предположил, что адресат грамоты Тайдулы должен был выглядеть следующим образом: «Джанибека повелением, мой, Тайдулы, указ всем русским князьям под началом с Семеном».

го, то его племянник претендовал на великокняжеский стол «по... цареву жалованию»¹⁶. Таким образом, несмотря и на складывавшуюся в течение почти двух столетий практику «опосредованного» действия ханских ярлыков на Руси, и на признанное ханами (в результате длительной борьбы Дмитрия Донского) право московских князей завещать великое княжение, Василий II – а вернее, его представитель на ханском суде боярин Иван Всеволожский – предпочел апеллировать к воле хана Улуг-Мухаммада, который, и в самом деле, в 1425 г., после смерти Василия I Дмитриевича, утвердил его сына Василия II в качестве великого князя¹⁷. На наш взгляд, этот пример – исключение, очень красноречиво подтверждающее выявленную выше тенденцию – ведь Василий II предпочел апеллировать непосредственно к ханской воле в тот период времени, когда контроль Золотой Орды над русскими землями весьма сильно ослаб, и ханы же не могли в полной мере обеспечивать свое верховенство над Русью, так что признание на словах непосредственного действия ханских предписаний на Руси фактически уже не могло повлечь никаких негативных последствий для русских князей, в т.ч. и реального уменьшения их власти в собственных владениях.

Второй из рассматриваемых нами правовых институтов русско-ордынских отношений – это вовлеченность представителей золотоордынских властей в процесс принятия властных решений русскими князьями. И здесь мы, в первую очередь, должны вновь вернуться к вопросу о деятельности баскаков (даруг) и послов в русских землях.

Безусловно, следует согласиться с мнением С. А. Масловой, что статус представителей ордынской администрации на Руси не был постоянным в течение всего времени зависимости русских земель от Золотой Орды¹⁸. Однако исследовательница ограничивается фиксацией летописных сведений о функционировании ордынских чиновников на Руси и практически оставляет без внимания политико-правовые процессы, происходившие в это время в самой Орде и в Рах Mongolica в целом. Ниже мы постараемся проанализировать эти процессы, рассматривая конкретные примеры деятельности представителей ордынской администрации в русских княжествах.

По нашему мнению, золотоордынские ханы вплоть до конца XIII в. не вполне представляли себе, как следует организовать свою власть над русскими землями. Вполне можно допустить, что рассматривался вопрос и о прямом включении Руси в состав Золотой Орды. А. А. Горский утверждает, что «на Руси в течение всего времени ордынского господства жили опасения, что правители Орды от взимания дани с сохранением русских князей у власти перейдут к непосредственному управлению»¹⁹. В самом деле, часть южнорусских земель (значительные территории Киевского, Черниговского, Переяславского, Рязанского княжеств) перешли под прямое управление золотоордынских наместников – даруг или баскаков. Появление таких чиновников на Руси, зафиксированное в летописях, на наш взгляд, может, и в самом деле, свидетельствовать о намерениях золотоордынских правителей ввести прямое ордынское управление в русских княжествах, в т.ч. и сохранявших в этот период автономию. Вероятно, именно с

¹⁶ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 249.

¹⁷ См. подробнее: Пономарева И. Г. Кто управлял Московским великим княжеством в 1425-1432 гг.? // Средневековая Русь. Вып. 9. М., 2011. С. 167.

¹⁸ См.: Маслова С. А. Институты ордынской власти над Русью. С. 137-138.

¹⁹ Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Т. 10 (157). М., 2014. С. 59.

этим опасениями могло быть связано восстание в Новгороде 1257 г. – ведь причиной его летописец называет вести о том, что ордынские (вернее, на тот момент – еще монгольские имперские) чиновники намереваются переписать население и обложить его данью: по-видимому, вольнолюбивые новгородцы усмотрели в этом попытку установить над ними ордынское управление²⁰. Еще более мощное восстание 1262 г., неоднократно привлекавшее внимание исследователей, охватило целый ряд регионов Северо-Восточной Руси и также было связано с засильем монгольских чиновников, в действиях которых восставшие, несомненно, усмотрели намерение сосредоточить всю полноту власти в своих руках²¹.

В результате фактического (а с 1269 г. – и юридического) выхода Золотой Орды из-под власти монгольского хана – императора Юань²² действия теперь уже золотоордынских чиновников на Руси перестали носить выглядеть столь демонстративными попытками присвоения себе всей полноты административной власти. В результате в том же 1269 г. представитель ордынской администрации на Руси реализует совершенно иную функцию – не сбор дани с вассала в пользу сюзерена, а демонстрацию покровительства сюзерена вассалу: речь идет об участии великого владимирского баскака Амрагана в переговорах великого князя Ярослава III и новгородцев с «немцами». Последние, согласно летописи, не пожелав вступить в конфликт с Золотой Ордой, согласились заключить мир на новгородских условиях²³.

Весьма активно вмешивался в дела русских князей и небезызвестный курский баскак Ахмат, который не только собирал дань с русских территорий, находившихся в его ведении, но и создал собственные слободы, которые стал населять в т.ч. и выходцами из русских земель (включая беглых). Это побудило местных князей обратиться с жалобой на его действия к хану Тула-Буге, который повелел уничтожить слободы, что и было сделано. Тогда Ахмат обратился к могущественному бекляри-беку (фактически – первому министру и верховному главнокомандующему Золотой Орды) Ногаю, организовавшему карательный на князей, уничтоживших слободы. Этот сюжет также неоднократно привлекал внимание исследователей, начиная с XVIII в.²⁴. Для нас же особо важным представляется тот факт, что хан Туда-Менгу (а не Тула-Буга, как в летописи) и

²⁰ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 309.

²¹ С. А. Маслова утверждает, что восстание 1262 г. было направлено не против баскаков, поскольку таковые в источниках не упоминаются, а против откупщиков – собирателей дани, см.: *Маслова С. А.* Институты ордынской власти над Русью. С. 54. Однако, как вытекает из проанализированных ею летописных текстов, откупщики и к 1262 г., и десятилетия спустя выполняли именно функции баскаков, т.е. собирали дань и осуществляли контроль вассальных правителей. Откупничество представляло собой не род занятий или административную функцию, а всего лишь способ ее реализации.

²² См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012. С. 58-59.

²³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 319. В.В. Еремян, автор объемного сочинения по истории самоуправления на Руси в ордынский период, крайне негативно и даже презрительно относящийся к «скотоводам-кочевникам», представляет описанные события как «сговор с врагом» (см.: *Еремян В. В.* Ордынская Русь. Т. 3. С. 139), совершенно упуская из виду, что никаких враждебных отношений между Северо-Восточной Русью и Золотой Ордой в этот период не было, а активно складывалась система вассально-сюзеренных отношений.

²⁴ См. подробнее: *Кучкин В. А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 5-57.

бекляри-бек Ногай совершенно по-разному отнеслись к Ахмату и его действиям, и дело, несомненно, не только в личной неприязни, которая, по-видимому, к этому времени уже существовала между ханом и его бекляри-беком. Скорее всего, Ногай, который, как установлено исследователями, играл весьма значительную роль в политической жизни не только Золотой Орды, но и всей империи Чингизидов²⁵, придерживался позиции усиления власти золотоордынской администрации на Руси, тогда как хан занимал более умеренную позицию. Это, на наш взгляд, весьма ярко отражает неопределенность ситуации со статусом русских княжеств в отношении Улуса Джучи в рассматриваемый период, различия самих представителей ордынской правящей элиты по этому вопросу. В результате баскаки в рассматриваемый период были, скорее, «резидентами» золотоордынских ханов на Руси: они не осуществляли управления, но отслеживали ситуацию в русских княжествах и сообщали в Сарай о случаях нарушения вассальных обязательств князей или населения²⁶.

Начиная с конца XIII – начала XIV вв. баскаки в летописях и других средневековых русских источниках упоминаются лишь применительно к территориям, находившимся под прямым ордынским управлением – Киеву (баскак упоминается в летописях еще под 1331 г.), Туле и Червленому Яру (баскаки упоминаются в 1340-1350-е гг.) и т.д.²⁷. Но означает ли это, что ордынские власти отказались от института баскаков или даруг? Отнюдь нет: еще в XV в. (т.е., когда о реальном контроле Золотой Орды над русскими землями уже и речи не было) в летописях упоминаются, в частности, московский даруга Мин-Булат (1432 г.) и рязанский даруга Темир (1471)²⁸. Однако, как следует из текста летописных сообщений, пребывали не в Москве и Рязани, а при дворе золотоордынских ханов – соответственно, Улуг-Мухаммада и Ахмата. Т.е. были уже не столько резидентами хана непосредственно на Руси, а своего рода «экспертами» по русским делам непосредственно при ханском дворе. Полагаем, что эта практика и начала складываться как раз в тот период, когда упоминания о даругах непосредственно в русских землях исчезают из летописей – в начале XIV в.

Связывать изменения в статусе даруг в это время с усилением власти великих князей, как это делает В.В. Каргалов²⁹, вряд ли корректно. Скорее, следует объяснять эти изменения тем, что ордынские власти, наконец-то, определились со статусом русских княжеств в пользу вассалитета. Полагаем, что эта определенность напрямую связана с уточнением статуса и самой Золотой Орды, которая в последней трети XIII в. обладала весьма неопределенным положением в отношении Монгольской империи, власть монарха которой хан Менгу-Тимур отказался признавать с 1269 г., как было отмечено выше.

Однако к началу XIV в. ситуация существенным образом изменилась, и к власти в государствах Чингизидов пришли правители, способные найти компромисс для сохранения единства *Rex Mongolica*. В результате Монгольская империя была воссоздана, но не как централизованное государство, а как некая

²⁵ Костюков В. П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 191.

²⁶ См.: Каргалов В. В. Баскаки // Вопросы истории. 1972. № 5. С. 212.

²⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 344; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М., 1964. С. 341, 343. См. также: Маслова С. А. Институты ордынской власти над Русью. С. 26, 42–45.

²⁸ См. подробнее: Маслова С. А. Институты ордынской власти над Русью. С. 74–75.

²⁹ Каргалов В. В. Баскаки. С. 214.

конфедерация, правители отдельных членов-государств которой номинально признавали старшинство монгольского хана – императора династии Юань как официального главу империи и верховного арбитра³⁰. Золотоордынский хан Токта сыграл не последнюю роль в этих событиях, существенно укрепив связи с империей Юань, которые с этого времени фактически не прерывались до середины XIV вв.³¹.

Важным для нас в рамках данного исследования последствием этого процесса стало то, что усилился политико-правовой обмен между различными государствами потомков Чингис-хана, что имело прямое отношение к русско-ордынскому правовому взаимодействию. Риском предположить, что к началу XIV в. хан Токта пришел к выводу о целесообразности оформления статуса русских княжеств как вассалов в соответствии с китайской традицией так называемых «далеко проживающих внешних вассалов» (кит. «вай фань»). Подобная практика начала складываться в Поднебесной империи еще в I в. до н.э., когда империя Хань установила подобные отношения с державой Хунну, превратив ее правителей в своеобразных «федератов»; в дальнейшем эта система постоянно практиковалась китайскими властями в отношении соседних кочевых народов и государств вплоть до начала XX в. Система эта характеризовалась выплатой дани (нередко – символической) сохранением у власти местных правителей, признававшихся императорами в качестве таковых, действием внутреннего законодательства и системы управления, тогда как китайские власти демонстрировали свой сюзеренитет лишь периодическим направлением к вассалам посольских миссии и приглашением к императорскому двору вассальных правителей³². Все это мы в полной мере наблюдаем и в русско-ордынских отношениях, начиная с рубежа XIII–XIV вв.

Непосредственно к анализируемому аспекту примыкает весьма важный вопрос – утверждение ханами Золотой Орды великих князей, причем в рамках настоящего исследования нас интересует не многократно рассматривавшаяся проблема выдачи ханских ярлыков и природы отношений князей с ханами, а критерии, которыми руководствовались ордынские правители, утверждая того или иного великого князя. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в большинстве случаев ханы (как бы ни стремились некоторые авторы убедить в обратном) выдавали ярлыки на великое княжение именно тем русским князьям, которые имели наиболее законные права на него – либо в силу своего старшинства (по лестничному праву), либо по выбору и одобрению остальных князей³³.

³⁰ См. подробнее: Почekaев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М., 2015. С. 10-12.

³¹ В исследовательской литературе распространено мнение, что контакты между Золотой Ордой и империей Юань были незначительны и проявлялись лишь в отдельные периоды. Однако еще в 1940 г. ленинградский востоковед В.Н. Казин в своем докладе (к сожалению, до сих пор не опубликованном) сумел убедительно показать, что эти контакты не прерывались вплоть до 1340-х гг., как минимум Московский летописный свод конца XV века (см.: Казин В. Н. Взаимоотношения Золотой Орды с Китаем и Монголией (стенограмма доклада, 1940 г.) // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 133. Оп. 1, ед. хр. 3).

³² Хафизова К. III. Взаимоотношения Цинской империи с казахскими ханствами во второй половине XVIII века / Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 12.

³³ Примерами подобного выбора князей можно считать, в частности, утверждение великим князем Михаила Ярославич Тверского в ущерб Михаилу Андреевичу Суздальскому в 1305 г. или Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского в ущерб малолетнему Дмитрию Ивановичу Московскому (будущему Донскому) в 1359 г.

Исключения из этого правила нам известны только два. Первое относится к правлению хана Узбека, который, как известно, весьма широко использовал свое право выдачи ярлыка на великое княжение, фактически злоупотребляя им. Второе связано с эпохой «Замятни великой», когда, во-первых, разные одновременно правившие ханы могли выдавать ярлыки на великое княжение разным претендентам, во-вторых, имел место своеобразный «аукцион», устроенный Мамаем в отношении великого княжения в 1371–1374 гг., и приведший, как известно к «розмирию» ряда русских княжеств, возглавляемых Москвой, с Золотой Ордой, приведшему, в конечном счете к Куликовской битве³⁴.

И если со вторым исключением все более-менее ясно, то «волюнтаристское» отношение Узбека к назначению того или иного претендента на великое княжение, на наш взгляд, нуждается в более подробном изучении, поскольку не может быть объяснено исключительно непредсказуемостью характера этого хана, как мы склонны были считать ранее³⁵. Чтобы лучше понять причины, побудившие хана Узбека устроить «чехарду» великих князей в конце 1310-х – начале 1330-х гг., следует, опять же, обратиться непосредственно к истории Золотой Орды в данный период.

Дело в том, что хан Узбек, столь известный по мусульманским источникам введением ислама в качестве официальной религии в Золотой Орде, а по русским – весьма жесткой политикой в отношении русских княжеств, предпринял куда менее известную попытку административной реформы, подобно Токте, взяв за образец практику империи Юань. К этому времени административно-территориальное устройство монгольского Китая представляло собой определенное количество округов (гао) и «дорог» (лу). Как мы отмечали в одной из предыдущих работ, хан Узбек взял за основу этот принцип, разделив Золотую Орду, соответственно, на улусы во главе с улус-беками и тюмены во главе с даругами и темниками³⁶.

Властный и амбициозный хан, по-видимому, предпринял попытку интегрировать в эту систему и русские земли – только этим можно объяснить смысл миссии его двоюродного брата Шевкала (печально известного «Щелкана Дуденевича» из одноименной «Песни») в Тверь в 1327 г. Если доверять содержанию «Песни», то Шевкал-Щелкан намеревался отстранить от власти князя и править, и судить в Твери сам³⁷. Безусловно, считать фольклорное произведение достоверным историческим источником не следует, тем более, что летописные сообщения о восстании в Твери не подтверждают таких намерений ханского родственника и называют его просто послом – пусть и с весьма широкими полномочиями³⁸. Тем не менее, осмелимся высказать предположение на основании «Песни», что Узбек мог предпринять попытку ввести прямое правление в русских княжествах, и Шевкал мог рассматриваться как один из «губернаторов», т.е. улусбеков. Однако крайне резкая реакция тверичей на его намерения вполне могла охладить реформаторский пыл хана и вернуться к уже сложившейся около чет-

³⁴ См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010. С. 80–85.

³⁵ См., напр.: *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. С. 117.

³⁶ См.: *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды. С. 41–43.

³⁷ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 26, 235–236.

³⁸ См., напр.: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью / ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 415–416.

верти века назад системе «вай фань». Он лишь позволил себе достаточно произвольно назначать в качестве вассальных правителей тех русских князей в безусловной лояльности которых был уверен – таких, как Иван Калита.

Именно эта система в сочетании с сохранением «русских» баскаков или даруг, но уже в качестве сановников при ханском дворе позволила сохранять в той или иной степени вассалитет русских княжеств от Золотой Орды до XV в. включительно. Таким образом, можно считать, что золотоордынские административно-правовые институты на Руси действовали крайне недолго и то – в период, когда статус русских княжеств относительно ордынских ханов не был окончательно определен.

Наконец, третий вопрос, который мы намерены рассмотреть в рамках настоящего исследования – это действие золотоордынской юрисдикции на Руси.

Сразу можно отметить, что из летописных источников нам неизвестно ни одного случая, чтобы ордынские ханы или их представители осуществляли суд непосредственно на территории того или иного русского княжества. Т.е., ордынская юрисдикция на Руси формально не действовала. Известны лишь три случая конца XIII – начала XIV вв., которые в какой-то мере могут быть отнесены к разрешению споров ордынскими властями на Руси, но и они не являлись «судом» как таковым.

Первый пример датируется 1287 г. и связан со спором о наследстве волынского князя Владимира Васильковича: сам наследодатель намеревался завещать владения своему двоюродному брату Мстиславу Даниловичу, с чем не соглашался галицкий князь Лев, старший брат Мстислава. Как раз в это время через Волынь проходил хан Тула-Буга, направлявшийся походом на Венгрию, и князь Владимир, заручившись его поддержкой, сумел заставить Льва согласиться с его завещанием³⁹.

Второй пример относится к 1296 или 1297 г.: между князьями Северо-Восточной Руси едва не разгорелась междоусобица, и из Золотой Орды был направлен посол Олекса Неврюй, собравший князей на съезд, на котором они договорились решать свои споры мирным путем.

Аналогичная ситуация представлена и в третьем примере, датированном 1304 г. – речь идет о споре великого князя владимирского Андрея Александровича и его племянника московского князя Юрия Даниловича за Переяславль-Залесский. Вновь из Золотой Орды прибыли послы, вновь был созван княжеский съезд, на котором «чли грамоты, царевы ярлыки», в результате чего спор был решен миром, и Переяславль остался за Юрием⁴⁰.

Ни в одном из летописных сообщений не говорится о том, что хан лично рассматривал спор и выражал свою волю в виде судебного решения. Тула-Буга на Волыни в 1287 г. всего лишь присутствовал «проездом», и этого оказалось достаточно для составления завещания в том виде, в каком это нужно было князю-

³⁹ Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 213–214. Ю. В. Селезнев в рамках дискуссии на Фаизхановских чтениях, последовавшей после его доклада, упомянутого в начале данного исследования, привел этот эпизод как пример прямой ханской юрисдикции на Руси. Однако из летописного сообщения не следует, что имело место какое-то разбирательство и принятие ханом решения. Напротив, еще В. Т. Пашуто отмечал, что Владимир попросту воспользовался присутствием хана Тула-Буги для того, чтобы настоять на своей воле в завещании (см.: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 298).

⁴⁰ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 347–348, 351.

завещателю. Послы же, присутствовавшие на княжеских съездах 1296/1297 и 1304 гг. в Северо-Восточной Руси, всего лишь передали волю хана Токты о недопустимости междоусобиц, но никак не его окончательные решения по самим спорным вопросам.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что ханская юрисдикция действовала исключительно на территории самой Золотой Орды, не распространяясь на русские княжества. И русские князья прибегали к ханскому суду лишь в случаях споров между правителями отдельных княжеств, либо же между претендентами на княжеский стол в рамках одного княжества (как это было, например, в споре за тверское великое княжение в 1346 г.⁴¹). В ряде же случаев ханы сами призывали на суд своих вассалов, в которых имели основание сомневаться, при этом иногда вассалов, нарушавших свои обязательства, ханский суд приговаривал к смерти. Все это в полной мере соотносится с отношениями «вассал-сюзерен», существовавшими между русскими княжествами и Золотой Ордой.

Подводя итог вышесказанному, мы можем придти к выводу, что золотоордынские правовые институты в течение периода «монголо-татарского ига» прямого действия на Руси, как правило, не имели. Отдельные проявления такого прямого действия можно объяснить особенностями политико-правового развития самой Золотой Орды, нашедшего отражение и в поисках наиболее оптимальных способов организации сюзеренитета над русскими княжествами. Степень действия (или бездействия) золотоордынского права на Руси не может быть выявлена как некое «статичное» явление, остававшееся неизменным на протяжении всего периода пребывания русских земель под золотоордынским сюзеренитетом. Безусловно, в разные периоды степень влияния на Русь и даже прямого действия на Руси как ханских правовых актов, так и золотоордынской юрисдикции существенно изменялась. При этом, как ни странно, сами русские правители готовы были признавать непосредственное действие золотоордынского права на Руси (по крайней мере, на словах) как раз в тот период времени, когда у ханов Золотой Орды уже не было реальных возможностей обеспечить его.

Вышеприведенные наблюдения в какой-то степени позволяют уточнить позицию относительно того, являлись ли русские земли непосредственной частью Золотой Орды или нет. Как представляется, опосредованный характер действия правовых институтов Золотой Орды на Руси позволяет утверждать, что русские князья являлись все же вассалами, а не прямыми подданными золотоордынских ханов.

Источники и литература

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М.: Наука, 1964.
2. *Беляев И. Д.* О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. 1850. С. 97-110.
3. *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Т. 10 (157). 2014. С. 58-79.
4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

⁴¹ *Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен. Кн. IV. СПб., 1784. С. 167.

5. Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004.
6. Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. М.: Наука, 1977.
7. Еремян В. В. Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине): очерки муниципальной историографии. Т. 1. М.: РУДН, 2015.
8. Еремян В. В. Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине): очерки муниципальной историографии. Т. 3. М.: РУДН, 2015.
9. Жаров С. Н. Русское и монгольское законодательство: проблемы двоезакония на Руси // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. Ч. 1. Челябинск, 1995. С. 42-44.
10. Камалов И. Х. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / Пер. с тур. И. М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.
11. Казин В. Н. Взаимоотношения Золотой Орды с Китаем и Монголией (стенограмма доклада, 1940 г.) // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 133. Оп. 1, ед. хр. 3. 21 л.
12. Каргалов В. В. Баскаки // Вопросы истории. 1972. № 5. С. 212-216.
13. Костюков В. П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 169-207.
14. Кучкин В. А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 5-57.
15. Маслова С. А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, посылы) / Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.
16. Назипов И. И. Верховенство права Орды в русских землях как признак государственного ордынско-русского единства // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23 (378). Право. Вып. 44. С 13-17.
17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
18. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
19. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843.
20. ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
21. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
22. Пономарева И. Г. Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? // Средневековая Русь. Вып. 9. М.: Индрик, 2011. С. 167–196.
23. Почакаев Р. Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010.
24. Почакаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015.
25. Почакаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012.
26. Приселков М. Д. Троицкая летопись. СПб.: Наука, 2002.
27. Сочнев Ю. В. Об адресате ярлыка Тайдулы русскому иерарху Иоану // Мининские чтения (Материалы науч. конф., посвященной 380-летию освобождения)

дения Москвы земским ополчением под руководством К. Минина и Дм. Пожарского). Нижний Новгород: Изд-во НГУ, 1992. С. 52–55.

28. *Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен. Кн. IV. СПб., 1784.
29. *Хафизова К. Ш.* Взаимоотношения Цинской империи с казахскими ханствами во второй половине XVIII века / Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1973.
30. Ярлыки татарских ханов московским митрополитам // Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 463–491.